

О боях под Москвой, присоединении ИФЛИ к Московскому университету и советских академиках

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1473>

19 октября 2012

Собеседник

Соколов Василий Васильевич

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 19 октября 2012 и опубликована 20 февраля 2018.

Введение

В третьей беседе доктор философских наук Василий Соколов вспоминает об участии в Великой Отечественной войне. Он подробно описывает отражение танковой атаки на Волоколамском направлении под Москвой в ноябре 1941 года, после которого был награжден орденом Красного Знамени, и рассказывает об осколочном ранении, завершившем его строевую службу. Значительная часть беседы посвящена учебе в ИФЛИ и работе в МГУ. Соколов вспоминает преподавателей, описывает реакцию студентов на аресты дореволюционных ученых и размышляет о проблемах советской гуманитарной науки.

Начало войны. Группы добровольцев

(Запись начинается с полуслова)

Василий Васильевич Соколов: Несколько групп. Все были ребята призывного возраста, и большинство из них независимо от этого записались добровольцами. Так как их было достаточно много, то их в разное время призывали в разные места. Вот большая группа, насколько мне известно, была направлена на строительство укреплений в район Смоленска. Где-то около середины июля. Ну, а фронт двигался так быстро... Подготовка, тут уж в политику мы, наверно, не будем включаться...

Михаил Сергеевич Найденкин: Подготовка к войне, вы имеете в виду?

В. С.: Я говорю о начале войны. Туда, под Смоленск... Не знаю, я там не был, но знаю кое-кого. Во главе такой был Андрей Боос с филологического, был Микулинский Семён. Кстати, есть книга — филологи, тогда еще жившие, опубликовали. Сейчас, по-моему, никого из них или почти никого... Нет, недавно выступала Ржевская Елена у нас, с филологического факультета, и подарила книгу филологов о войне. Годов десять уже. Очень интересная книга о людях, об обстоятельствах.

Небольшая, сравнительно небольшая, не знаю точно, группа была. Они самозванцы, может быть... «Чекисты» — так как это слово бывало еще очень актуально и почетно. Но они вот московские, и саму Москву и Подмоскovie охраняли. Ну, немного они сделали, и некоторые из них опять пошли, попали под Смоленск.

Я знаю о своей группе, нашу группу добровольцев... Хотят сами — добровольцы... Мы были все равно призывного возраста, но, когда началась война, такой был взрыв патриотизма, отчасти легкомысленный, между прочим. То есть не сам патриотизм, а вот это... Не знаю, надо ли. Замалчивают сейчас вот этот волонтеризм, вот это хвастовство, что мы на вражьей земле разгромим быстро врагов Советов. Эта линия шла от Сталина, но проводил ее Ворошилов, совершенно бездарный полководец, хотя он был первый маршал. Я читал даже, в Гражданскую войну Ленин предлагал его неоднократно убрать с фронта, но он подружился со Сталиным под Сталинградом первый раз, то есть в 18-м году. Не знаю, нужно ли об этом говорить...

Да, а наша группа, значительная группа, человек двадцать пять – тридцать, больше филологов, но были и историки, и трое философов, включая меня, экономисты, была направлена в 139-й запасной зенитно-артиллерийский полк.

” Дело в том, что какое-то высшее начальство правильно сообразило, что к середине июля, тем более к концу, молодежи было выбито очень много, а молодежь, если ее поучить немного, может сделать больше, чем те призывники из сел и городов, которые были не очень грамотны.

Словом, вот наша группа... Я вот знаю Налдеева. Знаю из этой группы Наркирьера, знал, потом после войны встречался. Знал Гришкина. В течение полутора месяцев примерно, двух месяцев — июль, август, часть сентября — мы осваивали зенитные орудия. На наш взвод дали зенитные орудия шведского, кажется, производства. Это была фирма «Бофорс». Орудие тридцатисемимиллиметровое, но автоматическое. Пять снарядов — обойма заряжалась. Два наводчика, соответственно. Два, потому что один наводчик — по вертикали, в высоту, другой наводчик — по горизонтали, по широте. Когда ловили самолет в два коллиматора по высоте и по ширине, то оба наводчика нажимали на педали одновременно, и снаряды — их было пять — летели в самолет.

Слушайте, а что я об этом рассказываю? Может, я вам буду рассказывать лучше о том, как мы учились.

М. Н.: Нет, о войне, может быть, какие-то самые яркие воспоминания, какие у вас были.

В. С.: О войне — лучше вот тогда. Вот тут все описано (*указывает на книгу*).

М. Н.: Вы бы, может быть, что-то яркое вспомнили. Экзистенциальную ситуацию, которую вам бы хотелось рассказать.

В. С.: Кстати, у меня газета даже есть.

Бои под Москвой

М. Н.: Может, что-то вам припомнится, Василий Васильевич? Вот так вживую...

В. С.: Я и припоминаю, но вот тут это описано. Да, и здесь есть. Вот, пожалуйста, этот эпизод.

Мы зенитчики, большинство этого запасного полка и стали зенитчиками, но, когда в октябре немцы прорвались под Москву и их танки играли огромную роль, из зенитных орудий образовали несколько противотанковых полков. Ведь самолет может стрелять по танку, стрелять легче, потому что он по земле и не так далеко, самолет в небе. Так вот, наш 694-й противотанковый полк был образован в значительной мере из студентов-ифлийцев. Нас уже где-то числа 11–12 октября перебросили под Волоколамск. Там в течение нескольких дней мы учились — тренировались бросать гранаты противотанковые. Они представляли собой полкилограмма, а может, килограмм, я не помню, тола, который помещался в жестяную оболочку, и вставлялся вот в такое отверстие запал. Нужно было держать крепко ручку, потому что как только отпустишь, то в действие приходит запал, и она взрывается. Поэтому ее бросать было трудно, потому что нужно было держать крепко и по возможности попасть в танк. Если попадание было удачным, то граната рвала сталь. Вот я бросил гранату — и гусеница сорвалась, и танк заплясал. Но это позже уже. Сначала мы по самолетам стреляли, по прямому назначению, но 16–17 ноября... Но все это есть вот...

М. Н.: Расскажите, Василий Васильевич. Пожалуйста.

В. С.: 16–17 ноября значительное количество танков немецких собралось вот в этом месте — Новопетровское. Что еще характерно было, это же был октябрь – ноябрь 41-го года, у немцев прекрасно стреляли минометы. Они минометами работали великолепно, а у нас их не было. Конечно, нас еще вооружили бутылками со смесью горючей. В них вставлялся запал, ну и бутылку бросали. Если попадал прилично, особенно сзади, то танк вспыхивал достаточно быстро. До сих пор не могу понять, почему эти бутылки назывались «коктейль Молотова». До сих пор его называют так — «коктейль Молотова». Причем здесь Молотов? Как-то возник термин, и я до сих пор не знаю, как он возник, но Молотов никакого отношения не имел к войне. На фронте он никогда не был.

Вот этот бой был тяжелый. Мы расставили орудия соответствующим образом. Еще не успели присмотреться — налет мин, такой звук неприятный, ужасный звук был. И они сумели попасть в сам штаб батареи. У нас была третья батарея, а в полку было четыре батареи. Наша была третья и поставлена была на очень боевое место. Четыре орудия, но одному орудию мы не доверяли: там командир был не очень опытный, почему-то его поставили. Три наших орудия вывели вперед. Где танки сосредотачивались, известно было, и они уже показывались на опушке леса, а этот был далеко сравнительно от наших орудий. Выбыло почти все командование. Был ранен командующий батареей. Был серьезно ранен политрук. Командиров было всегда два, отчасти три даже. Был один командир и один комиссар. И два командира взводов. Четыре орудия, каждые два орудия — это взвод. Быстро стало ясно, что эти командиры взводов ни к чему: решает все командир орудия, он стреляет. Командовал командир батареи. Да, и выбили командование. Некоторый элемент все-таки был растерянности, но там сумели (кто-то там оставался, в этом штабе) позвонить в штаб полка, и прибыл комиссар полка — боевой такой мужик, молодой, Бочаров Федор Хрисанфович. Он, кстати, нас мобилизовал. Мы из Бронниц перебросились в Чернышевские казармы, и вот стояла группа. Идет какой-то молодой человек военный с одной «шпалой» и с малиновыми петлицами.

Старослуживые — таких было немало. В моем расчете было двое солдат. Один солдат, который в Первую мировую войну был в авиационном корпусе во Франции. Другой был из Казани, этот во Франции не был, но хороший был такой, дисциплинированный. Много рассказали о старой армии. Они не ругали, отнюдь не ругали, даже в чем-то ее хвалили. Говорили о том, что наше командование, лейтенанты — это все-таки народ такой с рядовыми... Ну, не совсем рядовыми... Сержант это. Младший командир, командир орудия. Ну, это позже.

А в этом бою все-таки, когда прибыл комиссар и замкомандира полка, они стали командовать. Танки показались. Мое орудие — второе. Первое орудие было Зверева, третье орудие — Байкалова. Открыли огонь по танкам. Конечно, стрелять по танкам — это не по самолетам. Оно и легче, и... Как сказать? Самолет — он вон где, в небе, а здесь каких-нибудь двести метров, триста метров максимум. Все-таки хорошо мы их осадили, танки. Они на рожон не лезли, и только вот в этот раз подались. Загорелись, вертеться стали на перебитых гусеницах и отступили.

М. Н.: А где происходил этот бой?

В. С.: Это была деревня Горки. Я сказал — Новопетровское... Но все равно это недалеко от Волоколамска. Это 16-я армия, которой командовал Рокоссовский. У армии несколько дивизий. Какая там была конкретно дивизия наша, я уже и не помню, потому что орудие, полк — да, батарея — да, а кто там командует дивизией — редко встречались. Откуда? Дело солдата, дело младшего командира... С командованием дивизии не встречались, конечно.

Так они взяли в оборот минами наши орудия, что разбили третье орудие. К первому орудью пополз от командования замкомандира полка Королёв, и его снайпер, что ли, или осколок... У самого орудия он был убит.

М. Н.: Это происходило на ваших глазах?

В. С.: Это при моих глазах, но далековато. Орудия друг от друга стоят метров на тридцать, так что за тридцать метров. А к нам уже сумел подползти комиссар — полковое начальство. В основном мы видели командира батареи. Комиссар был очень тяжело ранен. Нет, не умер, потом письма присылал. А два командира взводов, по-моему, легко раненные.

Получили командовать два орудия. Есть командир орудия. Он-то все и делает. Он и стреляет, он смотрит в бинокль... Ну, ранило, и их увезли. Ну вот, слава богу, прибыли из полка. Недалеко штаб полка был. Каких-нибудь два-три километра. Быстро они прибыли, и вот одного заместителя убили на моих глазах. Он полз и прирос к земле.

Все-таки мы их осадили, сколько-то побили. Они отпрянули в лес, на опушку. А мое орудие удалось им подбить. Один коллиматор разбился. Стрелять без него нельзя. Тут некоторое было затишье. Мы им воспользовались, сумели это орудие отвести.

Комиссар приказывает моему расчету ползти к последнему орудью, на которое не было надежды особой, но оно оставалось. Немцы о нем не подозревали — оно не стреляло. Если стреляет орудие, они его быстро засекают, и начинается обработка минами.

Куда нам было тогда до их организации. В частности, мины я не помню в октябре-ноябре 41-го года. Сгрудились мы вокруг этого орудия. Широко раскоп делается... Для обороны у нас были еще гранаты, бутылки, карабины. Пехоте давали винтовки. А артиллеристам — не знаю, всем ли, но нам выдали карабины. Короткие вообще. Стреляли они, может, даже лучше.

И эта группа танков, то есть несколько их, шесть-семь-восемь штук. Они решили: раз эти три орудия замолчали (два из них они подбили, одно отвести удалось), значит, откинули. Тогда двинулись

автоматчики. Немного их было — двое-трое автоматчиков немецких, может быть, и побольше. Двинулись автоматчики. И вот тут-то они попали под кинжальный огонь этого последнего орудия. Уже каких-нибудь сто, пятьдесят метров, и это много... Загорелись, заплясали, когда перебивается гусеница. Они тут стали расплзаться. Два-три танка на улицу выползли этой деревни Горки, и они отпрянули в лес. Орудие это стреляло до исчерпания патронов. Стоял рядом комиссар, командовал с револьвером в руках. Команду отдал: «Гранаты бросить! Бутылки!» Да, я бросил гранату. Я уж не знаю, как далеко, метров пятьдесят, что ли, было. Взорвалась граната. Разорвало его гусеницу. Он завертелся, перестал стрелять. А один из моих наводчиков, Павел Комаров, между домами побежал к другому танку, чтобы его поджечь, не вернулся. После войны узнали...

Несколько танков подбили, один из них завертелся. Когда снаряды выпустили, делать нечего — надо отступать, потому что тут они сразу поняли, что не все подавлено: есть, по крайней мере, одно орудие. Один миномет — ну, не один, наверно, был, — и нас снова поливают. Что же делать — вот тогда поползли, побежали даже. Слава богу, метров через сто был лес — это спасение. А на краю стояла кузница. Наводчик по вертикали... Простите, по горизонтали — он основной для танка, потому что по танкам что стрелять по вертикали? Бесполезно. А по горизонтали вы в него можете попасть хорошо, да и в танке сколько два-три метра... И наводчик Ефим Дыскин, ифлиец, экономист, получил четырнадцать осколков. Комиссар сказал: «Ну, будем отступать».

М. Н.: Ефим потом выжил?

В. С.: Сейчас скажу.

М. Н.: А Комаров? Расскажите.

В. С.: Комаров — не одного его, не один он... Еще такой эпизод. Один член моего расчета дал мне бутылку бросить и дал какой-то запал не тот. В общем, бутылка задымила, она даже не загорелась. А ему в глаза, что ли, он так к стене — мне говорил комиссар — прислонился. Несколько человек остались... После того как отогнали немцев от Москвы, мы в эту деревню прибыли... Была передача по телевидению в 66-м году в связи... Что получалось? Ну да, 66-й год — 25-летие московской обороны. Октябрь-ноябрь 41-го года и октябрь 66-го года.

Дыскин выжил, но — не для записи — он так был испуган и столько получил... Получить мог любой, но он... Словом, его увезли. Его несли под руки двое с этого же расчета, но они бросили, оставили его для собственного спасения. Комиссар мне говорит: «Взять». А он был значительно выше меня, довольно полный. Я в нерешительности беру его, думаю: «Что с ним делать?» Ничего с ним сделать не могу. Тут уже все-таки один танк вышел на эту улицу. Кругом трассирующие пули. И он (бывает это, описано неоднократно) встал и бежать. То есть куда бежать — за этой группой. А я не растерялся. Я мальчишка деревенский. У меня выработались привычки. Я сообразил, что надо упасть и катком, до леса недалеко. Этот последний... Вот пойми — убит он или так. Словом, я выкатился. И этот танк по кузову ударил снарядом. Но, что касается Дыскина, он все-таки как наводчик поработал отлично. Впрочем здесь стоял комиссар с револьвером. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Меня представили к Красному Знамени, еще к каким-то...

Бой этот задержал их надолго. Тогда каждый день и час много значили, потому что это был последний бросок на Москву — ноябрь. Последний бросок на Москву. Читал я, не знаю, дошло до Рокоссовского, и он вот... Нет, наверное, Жуков. Приказ о награждении моем, то есть группы, подписан Жуковым 26 декабря 41-го года.

Когда все-таки в этот раз уже в январе-феврале достаточно далеко немцы отступили... Ошибки были сделаны Сталиным. Писали, что рассчитывал Сталин, когда выяснилось, что немцы подошли, выдохлись, а здесь у нас силы прибыли и с Урала, и из Сибири, и с Дальнего Востока, что немцы, так сказать, здесь получают наполеоновскую ситуацию. Действительно, немцы потеряли много танков, пехоты. Пленных не так много, но все равно. Но этого не вышло. Сталин приказал наступать и наступать, а это тоже дело такое... Наступать можно, если есть силы, а тут уже они тоже исчерпались, потому что немцы же подошли

— шестнадцать километров до Москвы оставалось. Ведь несколько мотоциклистов прорвались даже в Химки. Я там под Волоколамском. Вот об этой панике, которая была здесь, я узнаю значительно позже. Так вот, этих мотоциклистов наш танк смел. Вот это самое близкое место, куда они дошли. Немцы Москву не взяли. Это большой для него удар. Гитлер рассчитывал взять. Даже из Ленинграда сняли целую бронетанковую армию Гёпнера, потому что Ленинград не получается, а Москву возьмем. Но и Москва у них не получилась.

М. Н.: А судьба Комарова, вашего сослуживца?

В. С.: Комарова тоже расстреляли. Они были обозлены тем, что их остановили, подбили, несколько танков загорелось, погибли кто-то из автоматчиков. Об этом мы узнали... В лесу-то, кстати, меня нашел комиссар: «А как же ты оказался не с нами? А вот с командиром батареи?» А командир батареи в ногу был ранен. С таким ранением мог бы и командовать. Хотя я не знаю, что у него было. Я выкатился на него и на старшину. Старшину приставил к нашему оружию комиссар еще до того, как он сам подполз. И я еще не успел вернуться, а комиссар смотался потихоньку. Он оказался с командиром орудия. Ну вот, я на них выкатился. А та группа с Дыскиным... Потом, когда была эта передача по телевидению, я им рассказал, как было. Ефим, естественно, ламентировал: «Не бросайте меня! Я все патроны исстрелял». Он забыл это в такой горячке. А я говорю: «А тебя и бросили. Я должен был тебя забрать, что было безнадежно — какой ты, какой я». И он долго еще существовал. Он получил шестнадцать осколков. Эвакуировали, и он переквалифицировался во врача. Получил звание Героя Советского Союза.

Е. А. Дыскин. Источник фото: www.museum.ru

Война есть господство неожиданного, как говорил Фукидид, историк Пелопоннесской войны. Вот если бы это орудие так не поставили и не надеялись... Оно и заработало, когда уже решили — все, разбита вся батарея, и пошли в открытую, близко. Нарвались на этот огонь, на гранаты, на бутылки. Вот это был драматический момент под Москвой.

М. Н.: А как дальше для вас война развивалась?

В. С.: Ну, стреляли по самолетам. С танками под Москвой больше у нас не было.

М. Н.: А где базировались? Как перемещались?

В. С.: Перемещались мы под Москвой из одной деревни в другую.

Об ошибках и планах командования

М. Н.: То есть охраняли Москву? В зенитной этой?

В. С.: Да, конечно. К концу ноября было ясно, что они выдыхаются. И вот тут Жуков сыграл роль очень большую, огромную. Две у него удачи: Халхин-Гол, 39-й год, и вот удача под Москвой. Да, правильно, что ему памятник поставили. Ну, не только ему. Он уже выбыл в Клин... И Сталин уже ненадежный был. Я прочитал мемуары Николая Герасимовича Кузнецова, командующего флотом, и, не помню, какие-то еще, что Сталин был готов Ленинград сдать. Там уже все заминировано было, корабли были заминированы оставшиеся... Жукова вызвал с этой... У него удачная была операция под Ельней. Вот там москвичи удачно воевали, но многие погибли, конечно. А Жукова он прогнал, с одной стороны... Жуков был начальником штаба. Он не хотел быть начальником штаба: «Я не штабной работник. Дайте мне армию, дивизию, фронт. Вот это, так сказать, мое дело». Это долго описывать. Это уже вышли, там... Мерецкова они переместили... Мерецков тоже неплохой... Он стал маршалом. И на этом посту командующего, начальник Генштаба, он Сталину предложил... На Украине немцы подходят к Киеву, еще на Правобережье они. «Что делать будем?» — «Товарищ Сталин, Киев придется сдать». — «Что вы говорите? Что вы мелете? Сдать Киев!» Ну, примерно, я не знаю. Вот описано не в одном просто воспоминании... «Если мелю, то мне здесь делать нечего». — «Хорошо. Мы поставим Шапошникова». Его, я не знаю, на какой-то фронт поставили. Но через некоторое время он его вызывает. И не только Жуков... Выбор правильный — Киев все равно взяли. Но замысел был какой: Киев отдать, но отвести войска на левый берег Днепра. Обороняться было куда как легче. Не только Жуков, какие-то еще высказывались. Но вот тут опять Сталин: «Нэт. Нэт. Киев нельзя сдавать». Но сдали все равно. И немцы Правобережье заняли. Прорвались дальше в Крым и к Харькову. Понимаете, много он полезного, безусловно... Без него война неизвестно, как бы пошла.

М. Н.: Без кого? Без Сталина?

В. С.: Я говорю о Сталине. Но вот эти огромные миллионные потери... Сейчас даже знает кто, сколько их там? Фронтовые — миллионов восемь. Пленные умерли... Всего в России... Ну как — я даже не знаю... В тылу, от голода... Двадцать семь миллионов — это заслуга Сталина. И политическая, и военная. А политическая — ликвидация лучших командующих в 37-м году.

М. Н.: Это основная причина?

В. С.: Не сказать, что основная, но очень значительно... Он потом вспоминал: «Довёрился конникам». То есть Ворошилову, Будённому. Ну, Будённый — хороший командир, но он рубака, он не стратег.

Семен Буденный, Лазарь Каганович, Иосиф Сталин, Климент Ворошилов, Валериан Куйбышев, Серго Орджоникидзе. Москва, 1930-е гг. Источник фото: www.russiainphoto.ru

М. Н.: А желание Сталина продвинуться как можно дальше в Европу сыграло ведь тоже серьезную роль?

В. С.: Да. Жуков во второй раз... Тоже подтверждается воспоминаниями Кузнецова. «Поезжайте в Ленинград, берите командование у Ворошилова». Он там растерялся. Нет, он лично смелый, но бездарный. «Положение, предупреждаю вас, почти безнадежное в Ленинграде». Говорит: «Ну ладно, поеду, посмотрю, насколько оно безнадежно». Ленинградцы говорят, что очень за короткое время — меньше месяца — он там исправил положение. Сразу разминировали корабли, готовые ко взрыву.

Вы спрашивали насчет Европы...

М. Н.: И насчет желания перевести это в мировую революцию. Присутствовало такое желание? До войны, во время войны?

В. С.: Нет, нет, нет. О мировой революции тут забыли. Как же мировая революция, если он в 41-м году ликвидировал Коминтерн? Сталин же ликвидировал Коминтерн, распустил.

М. Н.: Это понятно. Но неужели у него не было амбиций на то, чтобы захватить как можно больше? Ведь в результате образовался огромный соцлагерь.

В. С.: Лагерь-то огромный, конечно, и он был неустойчивый, но ведь тут уже образовался после речи Черчилля... Тут были все-таки и немцы, и армия вся должна была... Нет, было рискованно нам идти дальше. Зачем? Страна была разорена. Армия была прочной, но воевать уже после четырех лет войны в это время — нет. А то, что теперь уже он Коминтерн распустил, чтобы никаких подозрений у них не было. А вот насчет этого, будто у него был замысел позже. Позже, когда уже у американцев была и атомная бомба, и был план с СССР воевать. Благо есть бомбы. Но бомб у них было немного еще. А мы

сверх ожидания... Берия! Вот кто колоссально много после Сталина сделал — это Берия, который оклеветан. Да, и вот тут возможна была война, поскольку Сталин был готов через Аляску. Вот что бы там могло получиться, и насколько это реально... Но был у него замысел.

Вера в Сталина. Корейская война

М. Н.: Василий Васильевич, я хотел вам задать такие банальные вопросы, которые всем задаю по поводу войны. А каково отношение было среди ваших сослуживцев к Сталину, к комиссарам? Было ли какое-то единство в этом отношении? Если вначале был общий подъем, как вы сказали, то в процессе войны что-то изменилось и после войны? Ваша точка зрения и ваших сослуживцев.

В. С.: В войну — тут делать нечего, тут нужно воевать. И вера в Сталина была огромная. Он сумел ее внушить, но не только он. Он один, что ли? Все эти ворошиловы, все, кто его окружал, все они внушили. Да и народ действительно верил в него. Тут все неоднозначно. С одной стороны, он навел порядок. И сейчас говорят: «Сталина бы сейчас! Да он бы эту коррупцию, бандитизм ликвидировал очень быстро!» Да, есть желание поставить одного, но времена меняются. Как сейчас это сделать? Сталин... А вера в него была очень большой. «Товарищ Сталин, мы вам верили, как не верили себе!»

М. Н.: И это было действительно непосредственно личное чувство?

В. С.: Да, и личные чувства были. Ведь что творилось тогда... Правда, моя-то судьба была такой. Меня в 52-м году — еще сталинские времена — бросили формально читать лекции по истории философии в Пхеньяне, воюющий с Макартуром, со всей Америкой. Они же пытались опять же... Это тогда скрывалось. В начале войны Ким Ир Сен — это же наш человек. И вообще вся Северная Корея, КНДР была... Вот такой орден есть, наградили. Я же там два с лишним года пробыл в условиях войны. Был советником проректора при отсутствующем ректоре.

М. Н.: В университете в Пхеньяне?

В. С.: В Пхеньяне. То есть это Ким Ир Сен.

” Тогда вся КНДР была создана советскими людьми. Корейцев у нас сколько? Бросили их туда. Мой подсоветный был кореец, прекрасный мужик, Ким Хен Сун. В общем, все они сознательные: «Зовите нас по-русски. Я Сергей Павлович».

Ким Ир Сен начал войну. Потом-то нарвались, спасли их, но наших было полно, конечно. Летчики наши, а еще китайские добровольцы так называемые спасли их окончательно. Так бы Макартур дошел до границы с Китаем. И вот тогда у Сталина будто было намерение воевать: мы их ударим через Аляску. Другого не было пути. Ну, кто его знает.

Осколочное ранение

М. Н.: Василий Васильевич, а сама Великая Отечественная война для вас где закончилась? Расскажите.

В. С.: Меня выбили по дороге к Курской дуге. Это был 42-й год. В 43-м я уже был здесь. Мне дали нестроевую, дали полгода для лечения и прочее.

М. Н.: А как вы были ранены?

В. С.: Я был ранен в бедро. Рана была счастливая. Это уже в другом совсем месте.

М. Н.: А как это вышло, Василий Васильевич?

В. С.: Мы между Воронежем и Сталинградом. Тут у нас были орудия очень хорошие, мощные орудия с пламегасителем, и танковую атаку отбили — одну, другую, но, как всегда, засыпают минами. Меня на этот раз не ранило. На следующий день, когда мы меняли позицию, снова минометный налет, и ударила меня в бедро. Мина порядочная оказалась. У нее удар такой, как бревном бьют: сначала и не больно. Повезло мне относительно, а может, не относительно. А именно: мина, осколок мины... Очень жалею, что не оставил этой шинели: она была вся пробита сзади. Мина летела с куском шинели. Это была жара, август месяц. И этот кусок самортизировал. Кость не раздробило. А почему? Уже за Волгой когда оперировали, вынули эту мину — и вот он, кусок шинели. Видите ли, вот почему гангрена не началась.

М. Н.: Несмотря на жару на такую.

В. С.: Шинель есть шинель. Она нечистая, и пыль кругом.

М. Н.: А вас вовремя доставили в госпиталь?

В. С.: Полевой госпиталь, да. Я, правда, просил оставить, но комиссар говорит: «Нет. Ты исколотый. Справимся без тебя». Вот, а уж в полевом госпитале жара была дикая. Меня забросили в этой группе за Волгу, в Актюбинск. В Актюбинске была операция. Я сравнительно легко отделался. Я здесь закончил факультет.

М. Н.: Вас демобилизовали в каком году?

В. С.: Нет, не демобилизовали. Нестроевиком. Сначала это, а потом нестроевиком. Нестроевики не воевали, как все. Но я закончил факультет, поступить успел в аспирантуру.

М. Н.: Значит, вернулись вы на какой курс?

В. С.: Видите ли, я был на четвертом уже курсе истфака, но перешел на философский, а там было много предметов, и я не успел окончить ни исторического, ни философского. Но за эти полгода я окончил философский, потому что зачли все предметы, которые были... Тогда планы были другие, переплетались. История была там и тут, и многие другие предметы, но на философском были математика, физика, химия, биология, физиология органов чувств. Вот эти предметы я еще успел сдать на философском факультете, потому что я перешел в 39-м году. А здесь оставалось сдавать немного что-то.

М. Н.: Это какой год был, когда вы...

В. С.: Это был уже 43-й год. Вот это немного я сдал и успел поступить в аспирантуру, будучи нестроевиком. Ну, могли и взять... Я даже жалею: можно было пойти в ВИИЯ*. Был военный институт переводчиков. Готовили переводчиков разных. Мой один приятель (сейчас жив), из ИФЛИ, его сразу призвали в этот институт переводчиков. На какой язык? На арабский. И он изучил арабский язык. Он же моего возраста тоже, сейчас тяжело ему.

М. Н.: То есть вы даже немножко жалеете, что вы там не оказались, не пошли туда язык изучать?

В. С.: Видите ли, да, но я уже был в аспирантуре. Как-то жалею, не жалею, тут трудно сказать. Нет, помню, обследовали в 43-м году снова ногу: «Нет, пока оставайтесь».

* ВИИЯ — Военный институт иностранных языков.

Институт философии, литературы и искусства

М. Н.: Когда же появился Институт философии, литературы и истории?

В. С.: Сейчас скажу. Значит, в 31-м году, по-моему, через десять примерно лет после ликвидации историко-филологического факультета в Московском университете, думаю, и в Петербургском тоже, философских

факультетов не было. Тут вообще вот такая особенность: философский факультет был при открытии Московского университета, но это философский факультет был в старом смысле, то есть там конкретные науки, физика, а философии как таковой как раз было мало, да. Но это было давно.

Для партийного актива создали в 21-м году Институт красной профессуры, институт идеологический. Красная профессура, ИКП, да, для партийных верхов, в основном. А для обычной молодежи... Гимназии-то были ликвидированы, какие-то школы оставались, но не гимназические, а учителей из гимназии сохранялось еще немало в 20-х годах. И вот эти школы выпускали учеников очень подготовленных. Да, и так или иначе в 31-м году как бы вместо историко-филологического факультета образовали ИФИ — Институт истории и философии. Исторический факультет, я думаю, был на уровне, потому что сохранились еще старые кадры, образованные в России и за границей.

М. Н.: Когда вы учились, вы кого-то?..

В. С.: Сейчас расскажу. А в 34-м году добавили литературный факультет, и он стал ИФЛИ. Через год-другой литературный был переименован в филологический. В 39-м году присоединили, открыли еще экономический факультет. Да, возвращаясь к этому факультету.

Дело в том, что если говорить о вот этих годах — 30-й, 31-й, до 36-го года, контингент там был слабый. Туда, по-моему, принимали по рекомендациям. Были ли там экзамены? Вряд ли. А если были, то формальные экзамены. А вот наше поколение, ну, считалось, что это все-таки то поколение, которое нового человека выработает, и вообще с ним большие надежды связывали, это ребята, родившиеся или в революцию или после нее, после 17-го года. Действительно, ведь я из села, где окончил четыре класса. У меня родители, жив был отец еще. Я учился по деревенским масштабам хорошо. Ну, а что там? Там четыре класса, что там было? Была математика, конечно. Словом, здесь меня бросили, я учился в школе, в фабрично-заводской семилетке...

М. Н.: Мы говорили об этом, Василий Васильевич. А уже в самом ИФЛИ кто был?

В. С.: А потом ее трансформировали в десятилетку. И десятилетчики уже были по сравнению с теми студентами, которые до того поступили... Ну, кто из них? Из них остался у нас только Ойзерман, да и то он не здесь. Косичев. А на факультете никого уже, конечно, нет, кроме меня. Да, понимаете, это поколение, все поколение философов, все эти академики, советские философы... Ведь как философский факультет, значит вот МИФЛИ, он оказался в эвакуации в Ашхабаде. Частично вроде, не знаю, факультет какой-то там, будто в Свердловске. Но я-то был уже в армии.

Да, и запрос руководства ифлийского: как же нам теперь оставаться — этим факультетом? А здесь еще МГУ. И Александров, тогдашний значительный руководитель, член оргбюро ЦК, ифлиец (я вот портрет его нашел в интернете, повешу тоже, он кафедру нашу образовал): «Вливайтесь в МГУ». И собственно философский факультет — вот праздновали его 70-летие, а фактически ему больше значительно, филологический — 70-летие, ему тоже побольше, экономический факультет, ну, не поймешь. Вот так мы оказались, и я уже кончал МГУ, да.

Понимаете, философский факультет вот этих 30-х годов был очень слабый, он состоял из одной кафедры — диалектического и исторического материализма.

М. Н.: Но сначала-то вы на историческом учились?

В. С.: Нет, там два факультета — исторический и философский — образованы были в 31-м году.

О преподавателях

М. Н.: Кто из преподавателей вам особенно запомнился? На историческом, потом на философском, расскажите. Дореволюционные, может?

В. С.: Что касается исторического, когда я поступил, это уже не 31-й год, а 36-й. Так они здесь есть

все (*похлопывает по книге*), вот в этой книге все есть, у кого я учился: академик Готье... Кстати, недавно читаю, что очень сложную операцию провел хирург Сергей Готье, внук академика. Это был сильный историк России, ученик Ключевского. Выжил, не всех они выслали, но кто вел себя мирно и не выступал, как Лосев, скажем, выступил однажды, Бердяев, Булгаков и прочие, но они и постарше, другого поколения... Кто? Асмус, Лосев. На истфаке был очень сильный состав. Вот Готье, академик. Два историка сильных — Сергеев Владимир Сергеевич, между прочим, побочный сын Станиславского, но Сергеев. Тот Константин Сергеевич был, Станиславский. Он не побочный, а добрачный сын, хороший лектор, сильный лектор. Правда, здесь был, может, еще более сильный Преображенский, но этого репрессировали за то, что он при обсуждении... Он был античник тоже, как и Сергеев. Сергеев больше по Риму, тот тоже и по Риму, и по Греции, так мне передавали. При обсуждении сталинской конституции— очень ее так обсуждали, какая у нас будет конституция, какая у нас будет демократия! Сталин говорил: «Что там ваша демократия, кого выдвигают? У нас каждое предприятие будет выдвигать своих кандидатов в депутаты». Это факт, это он говорил и, может, был настроен, а потом сообразил, что у нас ничего не получится с этим. Просто многим стало смешно: выдвигается делегат один, его утверждают в ЦК и после этого голосуют (*усмехается*). К нему прибавляют, чтобы изобразить демократию, наряду вот с этимкаким-то выдающимся ударником, какого-нибудь члена, кандидата в Политбюро, что он не один все-таки, их двое, но проходил, конечно, член Политбюро, а этот для...

М. Н.: Это была такая пролетарская легитимация процесса, да?

В. С.: Псевдолегитимация все-таки. Скажем, Петр Федорович Преображенский. Но, потому что он на истфаке был, я его не захватил. Он здесь был в московском, и его репрессировали. А на философском, я даже не знаю, кто там был до нас. Когда я поступал на исторический, я на философский и не собирался, а на него и приема не было в 36-м и в 37-м годах. Хотя некоторые есть, кто поступал со мной вместе, хотели поступить, но его не было просто. А в 38-м году снова был объявлен прием на философский факультет. И тогда с истфака семь человек перешли на философский, а я колебался: философия — что-то туманное, не поймешь что.

М. Н.: А вы уже знали кого-то из преподавателей философского факультета?

В. С.: Философского? А там некого было знать-то. Знал, они меня и перевели, двух доцентов. Один из них погиб на войне, другой не был на войне. Кутасов деканом был одно время. Да, был еще один профессор. Был вот этот Александров, но я его как преподавателя не знал. Хасхачих вот, он меня и перевел. Не пускали, правильно делали. Директор Карпова такая была: «А как я вас переведу? У вас вон какая задолженность, что же вы? Вы уже на четвертый курс перешли, а здесь все эти предметы — математика, физика, химия, биология». Я говорю: «Я сдам, но правда не сразу». Тогда я бросился сюда, в университет, почему? И тут был исторический — с истфака на истфак. Но на этом историческом один год буквально (интересные все-таки ассоциации) организовали группу исторического материализма, философскую как бы группу. Деканом был Удальцов Иван Дмитриевич, дед того Удальцова, который вот сейчас... Я читал, что он внук того, да. Ну, поколения меняются, да. На истфаке прекрасные, конечно, были академики: Сказкин, Косминский, Готье. Готье арестовывался, был другом Тарле, который о Наполеоне писал. Вспоминаю, на лекции Тарле трудно было попасть. Он давал нам записки — покажите, вас пропустят, да.

М. Н.: То есть был такой интерес к лекциям, что нельзя было попасть?

В. С.: На некоторые лекции. Еще кто? Средние века — Неусыхин был мощный профессор, блестящий лектор. Я даже одно время и выбрал средние века, но все-таки потянуло более широко история. Вот книга, которую сейчас я опубликовал, я вот такие надписи сделал, кому я дарил, что попытка выявления неотторжимости истории от философии. Дал, в частности, Сергею Павловичу Карпову, декану истфака, потому что он... Я его знаю давно, но он молодой человек. В 70-летие сидим, ректор ведет 70-летие факультета, а филологи почему-то пропустили 70-летие, ну их дело. Может, экономисты, нет, хотя у них семидесяти не получалось. У всех получалось, потому что всех влили в декабре 41-го года, вот это семьдесят лет.

М. Н.: Может быть, потому что на филологическом факультете много женщин, им неприятно (*смеется*).

В. С.: Женщин много, но там и мужчины есть. Кстати, вы упоминали здесь Дувакина. С ним былакакая-то история тоже?

М. Н.: Да, конечно. Запись воспоминаний началась как раз с того эпизода, когда его выгнали с филологического факультета в 60-х годах по делу Синявского и Даниэля.

В. С.: И он не работал уже больше на филологическом факультете?

М. Н.: Нет, он больше не работал.

В. С.: Он кто по профилю? Русист?

М. Н.: Он филолог. Маяковским занимался.

В. С.: Маяковским.

М. Н.: Да, и академик Петровский дал ему такое негласное задание записывать воспоминания сначала о Маяковском, а затем эти воспоминания превратились уже в большое собрание.

В. С.: Да. Значит, еще историки. Кун Николай Альбертович, вот переиздавали его книгу об античной мифологии.

М. Н.: Это такая самая классическая книжечка, да?

В. С.: Самая простая, да.

М. Н.: Самая классическая.

В. С.: Да. Машкин, хороший профессор, Авдиев, специалист по Древнему Востоку. Но уже были и советские. Вся история партии советская была, лекторы, а история партии у всех была. И весь факультет часто в одной аудитории был, особенно после того, как вышел «Краткий курс истории ВКП (б)» с главой Сталина. Понимаете, и философский факультет, вот одна кафедра.

Александров, по распоряжению которого ИФЛИ влилось в МГУ, организовал, и в этом его отличие, хотя никакой он не ученый, он был не из старых, он был 8-го года, чуть ли не полубеспорядочник, он организовал кафедру истории философии, он читал ее и организовал. Но его быстро взяли в ЦК, потому что много вакансий в ЦК образовалось, поскольку в 37-м — 38-м их, наверное, на 90% арестовали или ликвидировали. И вот пошла новая молодежь. Тут появились не только Митин, Юдин, там другие, но они все все-таки советской формации как ученые. Все-таки философия какая-никакая наука, они не очень были ей привержены, ну, всё индивидуально, как раз Александров стремился и делал что-то по истории философии. Первый, кто защитил докторскую диссертацию по Аристотелю аж, это был Александров. Будто даже греческий язык учил один год, но это пустяки, конечно. Был такой Александр Владиславович Кубицкий, переводчик «Метафизики» Аристотеля.

 Понимаете, на философский факультет как факультет партийный старые кадры не пускали преподавать. Не пускали Асмуса. О Лосеве и говорить нечего. Лосева Александров уже в войну сюда, так сказать, ввел.

М. Н.: Сюда ввел — это что вы имеете в виду?

В. С.: Предложил включить его в штат профессоров.

М. Н.: Расскажите, Василий Васильевич, о нем, пожалуйста.

В. С.: А что же тут рассказывать. Вот тут не признает вдова, она не знает просто о том, что...

М. Н.: Аза Алибековна не признает?

В. С.: Да, Аза Алибековна. Понимаете, Лосев был, как вам сказать, сильно подмоченным: сидел, ему дали десять лет. Правда, удалось с помощью жены Горького, влиятельной Екатерины Павловны. Она была председателем Российского Красного креста, тогда это была влиятельная должность. И вообще, 30-е годы — это одно, ведь вот когда говорят, то есть делали это, факт был, эти массовые репрессии и убийства, расстрелы, это... И не Берия, Берия был блестящим менеджером, конечно, он делал всё, как и все. А это был Ежов, такой урод, да. Вот ежовщина — массовые аресты и сотнями, тысячами, может, десятками тысяч. Видите, сейчас даже раскапывают расстрелянных...

Да, значит, философский факультет. Там даже логики не было. Асмуса не пускали. О Лосеве и говорить нечего, я и не подозревал, что есть такой профессор.

А. Ф. Лосев. Источник фото: www.ng.ru

М. Н.: А как Александров его профессором сделал?

В. С.: Во-первых, после речи Сталина, исторической, так сказать, речи на параде в декабре 41-го года, потому что с парада многие прямо на фронт. А речь Сталина была резко поворотная. Вот вы говорите «мировая революция». Какой там! Он тут уже повернул, так сказать. Увязывать его с борьбой за социализм в одной стране — это другое дело, но линия та же, даже ведь Ленин не очень-то эту, о Троцком и говорить нечего. Революцию сделали, если говорить, кто у руководства, эти двое — Ленин и Троцкий. Роль Сталина была здесь третьестепенной. Да, так вот он речь: Суворов, Кутузов, Александр Невский, но и культура, понимаете, русская, писатели наши, философы, Чернышевский — если можно его назвать философом, я к нему отрицательно отношусь. Тут такой поворот.

Александров и решил, что это линия новая, раз сказал Сталин. И вот тогда он через одного из своих

подчиненных в ЦК (Александров был членом Оргбюро ЦК) послал Тараканова, ифлияца, который у него работал, с поручением. Это называлось «мнение»: они никаких бумаг не писали, это было не принято, и в случае чего, они тут не виноваты. Словом, включить [Лосева]. А факультет-то был слабый, ну вот Чернышёв, да. Асмус — логика, да. Дынник. Словом, Лосева, потому что старый специалист... И еще Павел Сергеевич Попов, фигура менее значимая, чем Лосев, но все-таки его сила была в том, что он был женат на внучке Толстого Льва Николаевича, хотя тоже арестовывался. Вот они и стали профессорами философского факультета. Как раз в это время я и появился, о них я ничего не слышал до этого. Ну, а Асмуса не сразу, он считался без основания меньшевистствующим идеалистом, но все-таки его удалось... Самый образованный пока был Чернышёв, человек очень добрый, первый стал заведовать кафедрой истории философии. Ее Александров организовал, но не успел поруководить, как Александрову сказали: «Вы переводитесь в аппарат Коминтерна и ЦК».

М. Н.: Это какой год примерно?

В. С.: Перед самой войной, но не война только, понимаете? То есть где-то 40-й — 41-й год. И он работал на факультете, но уже сказал: «Тут я уже не могу, у меня вот...» Тогда это было высокое назначение, было лучше и материально, и как угодно.

Выступление Г. Ф. Александрова. Слушают И. В. Сталин, М. И. Калинин и др. Источник фото: www.vnikitskom.ru

” Александров Лосева не просто сделал профессором, он предложил присвоить ему степень доктора философских наук.

И через Тараканова это распоряжение дошло. Но Чернышёв и другие собрались: «Знаете, все-таки он был репрессирован, его критиковал Каганович. А Киршон (был такой драматург) вообще предложил поставить его к стенке. Да, и на философском — партийная дисциплина. Неудобно, нас не поймут». Тогда была такая формула: «Нас не поймут».

М. Н.: А что она означала?

В. С.: Это означало, что отменяют. «Что вы сделали? Вы что, не знаете, что такое Лосев? Не знаете, что его судили, и за что судили?» Да. Но они сообразили правильно и дали Лосеву доктора *филологических наук*. Он по образованию классик. Но этот классик, вот в этой статье прекрасно написано (*постукивает по книге или журналу со статьей*), был не просто идеалистом, он был... Вот тут хорошая статья* некой Бонецкой.

* Бонецкая Н. К. Имяславец-схоласт // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 123-142.

М. Н.: Да, вы говорили.

В. С.: «Имяславец-схоласт». Поразительно, она явно молодая, филолог, но разобралась, что он такое. Вообще-то говоря, этот его религиозный идеализм — это влияние сильнейшее Флоренского, а из философов Гегеля. Она об этом пишет.

А тут всегда местные склоки, борьба. Был такой у нас профессор Белецкий, икапист, то есть ИКП кончил, врач по образованию, учился в Институте красной профессуры, с гонором — красная профессура! А эта красная профессура в большинстве своем была не очень грамотной, просто малограмотной. Такой был и Белецкий, врач, у него вообще-то всего была пара статей, что ли. Это долго рассказывать, и здесь это есть (*стучит по книге или рукописи*). Сталину письмо, что все неправильно идет, кадры засорены. Наметился Асмус, меньшевистствующий идеалист. Ему было в 31-м году, когда Сталин объявил этих меньшевистствующих идеалистов: Деборина, Карева, Стэна. Асмуса тоже толкнули, потому что был слишком грамотен. Больше всего, по моему убеждению, сделал в деле преподавания, усиления философии Асмус. Конечно, его не сразу перевели, но вынуждены были перевести. Он вел историю философии всю — западную и даже русскую. По русской писал, когда она определилась. Есть ведь хорошая статья «Борьба направлений в Московском университете».

М. Н.: А когда вы в первый раз Валентина Фердинандовича увидели? Помните?

В. С.: Помнить-то я его помню, конечно, но это было достаточно случайно, потому что хоть логики не было совсем, но... Как вот опять — Сталин. Сталин все-таки в семинарии-то учился, в духовной, и потом при всем его... Вы не слушали его, слушать его было страшно трудно, такой дикий акцент, но это одно, а другое — логика у него всегда была на высоте. Так вот он предложил логику восстановить. Это произошло не сразу, даже Асмуса вызывал Молотов для лекций в Совет Министров. Асмус перед войной обратился к Молотову с просьбой выписать ему, если это возможно, небольшой телескоп. Молотов ему выписал небольшой телескоп, через это на даче смотрели. Да, у него широкие интересы: он историк философии, эстетик, логик, писал великолепно, близкий друг Пастернака, в частности.

Но тогда Белецкий с этим... Друг под друга копали, понимаете. Белецкий копал под Александрова... Вот тут описано, а еще есть даже книга более толстая наших выпускников — «Философия продолжается», по моему, называется эта книга.

Асмус, значит, логика. Правда, он отошел, когда логика стала математическая. Он сказал: «Я уже стар, чтобы переучиваться». Да, а классическую, традиционную логику он знал хорошо. Лучший по этой логике учебник — это учебник Асмуса, хотя он не единственный, но он лучший. Да, человек был... Понимаете, почему его... Дело в том, что Бердяев в Париже в своем журнале «Путь» опубликовал рецензию на его «Очерки истории диалектики в новой философии» под таким, так сказать, соусом, что слава богу, в СССР философия не погибла, что вот есть там такие философы, как Асмус, и вот, значит, рассматривает эту книгу, но критически: пока Асмус от себя говорит, всё интересно, видно, что он прошел еще старую школу. У него действительно так, он в 19-м году окончил философский факультет Киевского университета. А когда он, как все они, они должны были перестраиваться, по-разному, но перестраивались, и Асмусу тоже пришлось перестраиваться. И вот тут его Бердяев, что вот тут начинается советская религия у него. Ну а что он, если бы не было этого момента, никто бы не стал его издавать. Ведь как тогда? Я двадцать лет работал в ВАКе, заключение на каждую диссертацию я писал со слов «Диссертация написана с позиции марксистско-ленинской идеологии». Хотя нередко эти позиции есть в нескольких цитатах, но все равно. Вот есть книга об Асмусе, мы ее опубликовали, я тоже участвовал, конечно. Вторым изданием она вышла, прекрасная книга.

М. Н.: Василий Васильевич, а поучиться у них вам удалось?

В. С.: А как же! С Асмусом я был очень близок.

М. Н.: Когда вернулись из Англии?

В. С.: Я вернулся, закончил факультет, а Асмус был оппонентом по моей диссертации. Это уже после Кореи.

М. Н.: Стоп, аспирантура...

Распределение квартир

В. С.: Нет, какой же, это было до Кореи. В Корею меня бросили в 52-м году, а я поэтому прозевал. Пока я там подвизался, скрывался, там бомбили, а здесь шаршили квартиры, я прибыл к шапочному разбору. Страшно трудно же было в Москве, я в Москве живу с 30-го года, и первую квартиру вот в этом доме я получил в 56-м году.

М. Н.: В преподавательском, на «Университете»?

В. С.: Да. Но другие-то вон какие квартиры схватили, лучшие.

М. Н.: Другие это?

В. С.: Кто здесь оставался, Келле, к примеру, недавно умерший, вы его не знали.

М. Н.: Кто оставался когда? Когда вы поехали вот в...

В. С.: Нет, я-то поехал, и он был в Китае, но он позже был, а я был в войну и как раз в то время, когда заканчивали строить университет и параллельно этот дом. Так называемый Дом преподавателей, хотя неясно, сколько там преподавателей осталось. И кто ближе к парткому... Знаете, что там делалось у нас в советские времена. Хотя с другой стороны, но это уже позже, скажем, к Олимпиаде давали квартиры и лучше, но я уже не стал переезжать, потому что близко. Это сейчас чуть дальше, а раньше я за восемь минут доходил до 1-го гуманитарного корпуса.

О советской гуманитарной науке и советских академиках

Понимаете, с одной стороны, эти старые кадры, вот эти икаписты, академики, но липовые академики... Чего они шли в Академию? Во-первых, влили в МГУ вот это начало гуманитарное, а лучше сказать, социальное. Вот в советское время была Академия коммунистическая, потом она стала социалистической все равно. Она сама собой, понимаете. Против Академии руководство очень косилось, не любило, и потом Хрущёв даже предложил закрыть ее. Ну и Ленин, Бухарин: проку от Академии нету, или, во всяком случае, она по духу не наша. Опять все неоднозначно. С одной стороны, Ленин Павлову в Колтушах дал средства, там построили ведь ему прекрасную лабораторию. Антисоветский, но они не трогали, понимали, что вот такой. Например, был академик Крылов — это тесть Капицы. Но дело не в том, что он тесть, а он не стеснялся, да и Павлов не стеснялся, ругал во всю и советскую власть, и молился на каждую церковь. Но они как специалисты нужны были. А философы, да еще идеалисты в большинстве — куда, зачем, что толку?

М. Н.: Зачем они непосредственно потом пригодились бы для экономического рывка и так далее, они не столь нужны были как специалисты-естественники...

В. С.: Они были просто не нужны. Было просто: марксистско-ленинский материализм, диалектический, исторический, а они его не признавали. Ильин прямо говорил, когда его спрашивали: «Какие ваши взгляды?» — «Ну какие взгляды. Я противник существующего строя». Да, зачем он им нужен? И не только он, господа, там ведь группа большая была. Но таких людей, как Павлов, Крылов и другие... Вы, наверное, слышали, о хирурге Войно-Ясенецком?

Был такой епископ Войно-Ясенецкий, хирург божьей милостью, особенно какие-то особые раны. Он не начинал ни одной операции, не поставив иконку, потом операцию. Сначала думали его исправить, ухмылялись, а потом говорят: ну и черт с ним, ведь операции-то он делает такие, а что он отсталый человек, это его дело.

М. Н.: Василий Васильевич, разве они не осознавали, что, избавляясь от дореволюционных гуманитариев с высочайшим уровнем образования, с классической школой образования, они понижают уровень советской гуманитарной науки на долгие годы?

В. С.: Нет, они считали, что марксизм (потом и ленинизм добавили) — это высшая вершина.

М. Н.: Искренне считали, Василий Васильевич?

В. С.: Ленин же не принимал ни в какую Булгакова, Бердяева. Они же начинали-то с марксизма легального, Бердяев, а потом, что все это надумано...

М. Н.: Но общий уровень гуманитарных наук-то был...

В. С.: Ну и что. Нет, они считали, что лучшую сделали гуманитарную науку.

М. Н.: Перескочив через это...

В. С.: А что перескакивать? Они были искренне уверены: нового человека создадут. Повторяю, они понимали, что без специалистов, технарей особо далеко не продвинуться. Но так как они ликвидировали вот эту старую гуманитарную, социальную составляющую... Академию коммунистическую переименовали ее в социалистическую*. До коммунизма подальше, да? Переименовали, и туда бросились эти партийцы-академики, вот Кржижановский и другие. И решили влить их в Академию наук, исправить ее. Те хоть и специалисты, но про себя...

* Открытая в 1918 году Социалистическая академия была переименована в Коммунистическую академию в 1924 году, а в 1936 году была ликвидирована, ее институты и учреждения были переведены в Академию наук СССР.

Например, Готье, я его не знал, конечно. Во-первых, он арестовывался по делу Промпартии, вместе с Тарле. Вышел слух: Тарле предполагался министром иностранных дел, а Готье — министром просвещения. Но это же слухи, а их все-таки у нас так вот. Из моей жизни, на первом курсе исторического факультета лекции читал Пионтковский, приличный историк философии, но уже марксист, брат его был членкором, мне рассказывал кое-что, но я-то слушал его. И вот однажды через месяц, через два — первый курс был — Пионтковского нет, вместо него появляется Готье. Студенты говорят: «Понятно, этого арестовали, того выпустили». Готье, как Тарле, выпустили, и по дороге Пионтковский (Юрий Владимирович — так звали Готье, а как звали Пионтковского, не помню) сообщил: «Юрий Владимирович, я вот закончил вот здесь, а вы продолжайте». Но Пионтковский, конечно, не вернулся, его ликвидировали.

Академия, хоть она и нужна, без нее никуда не денешься... Все же у нас физики дошли все-таки в советское время, наука естественная, математическая, вот этот комплекс у нас ведь мало отставал, но все же недоверие внутреннее к ним было, и устраивали процессы «вредительские». Вот дело Промпартии, там кое-кого все же арестовали. Как их исправить? А вот у нас теперь есть... Нет, во-первых, втолкнули им несколько человек, коммунистов, это Кржижановский, Покровский. Семь лет МГУ был имени Покровского. Был такой историк, вульгаризатор, Ленин его высоко ценил. Он был замминистра, старый большевик, в 32-м году умер, и на Московском университете появилась вывеска «Московский университет имени Михаила Николаевича Покровского». Да, Бухарин. Деборин, как оказывается, участвовал и не получил. Они все-таки голосовали тайно, Деборин не получил десяти голосов, но тогда он был все-таки социал-демократ, дали ему уже десять, провели все равно.

А потом всю эту Академию социалистическую влили в Российскую Академию наук. Я бы вот ее обратно, потому что Королевское общество в Англии, Французская Академия наук. Королевское, или при покровительстве Карла II, Королевское общество, оно так и называется — The Royal Society. Во Франции Кольбер, толковый министр Людовика XIV. В Пруссии Лейбниц создает Академию естественнаучную, потому что естественные науки нужны для промышленности и военного дела, а гуманитарные у них особо. И у нас так по проекту Лейбница, потом Вольф подправил, Петр подписал. Ну, его подпись появилась чуть ли не через несколько дней после его смерти. Но он создал Академию, опять естественнаучную. Правда, там всё немцы были-то, конечно, пока Ломоносов не появился, а то всё

немцы. Но дело все в том, что вот сначала социалистическая, а потом пошли в нее всякие Митины, Константиновы, Петр Николаевич Федосеев, да тот же Александров. Он, можно сказать, чем-то он отличался. Их стало все больше и больше, и до сих пор они же...

Сталин ведь очень поднял. Бедствовали ученые и бедствовали преподаватели еще больше. Сталин после войны в 46-м году провел реформу, резко увеличившую зарплату. У академиков само собой, говорили, что Вавилов Сергей Иванович, президент Академии, получал тридцать тысяч рублей какое-то время, больше Молотова или же самого Сталина. Ну, для Молотов, для Сталина зарплата — это было, у них же открытые счета, но все же. И вот тогда степени стали вручать, к счастью сначала, а потом — к несчастью. Степени кандидата, доктора, и за них платили какие-то деньги. Ну и появились тут, как всегда, анекдоты. Платили кому, за что, какие диссертации? По истории партии: «Партия в борьбе...», «...за борьбу» и «...против борьбы...» — я условно, но все это так.

М. Н.: А анекдоты какие, Василий Васильевич?

В. С.: Анекдоты разные, в частности, вот такой: «Защита диссертации — два часа позора и удовольствие на всю жизнь», «Не нужно знание, нужно звание». И пошли чередой академики. Есть такой частично правильный Александров, когда он стал начальником отделения агитации и пропаганды, три его заместителя... Причем уже, чтобы в Академию пройти, надо было рекомендацию ЦК, но она в особенности действовала для общественников. А потом ведь атомную бомбу кто сделал — Харитон. Харитон же, господи, с такой подмоченной репутацией: родители у него, за границей был, он из семейства такого... Я думаю, не только он, а что делать? Кто нам будет все это рассчитывать, как этот великолепный математик и прочее. Ландау арестовывали, да. Но писал Капица о нем, что характер, конечно, хуже некуда, но это такой физик мирового уровня, что выпустили, вынуждены были выпустить. Но вот эти общественники пошли! Звания и как-никак плата. Я не помню, сейчас академики получают, кажется, шестьдесят тысяч, а членкор — тридцать тысяч. Но липовые, мы знаем, какие там членкоры-то философы. Не все, нет, всегда есть единицы, которые выделяются чем-то, да.

А вот анекдот другой: академики — акамедики, организовали Медицинскую академию, она тоже с особой зарплатой и прочее, но это та академия, которая нужна, из отраслевых, медицинская, это дельная. Сельскохозяйственная, не знаю, что она сделала, она с ленинских времен существует. Академики — акаселики. Акахудики — это Художественная академия. Акапедики — педагогическую организовали.

” **А дальше — акапапики и аказятики: академиком стал зять Косыгина, зять Сулова.**

Это уж ребята нашего возраста, и знаем им цену, какая она. Это моя позиция, ее теперь не повернешь. Нужна вот эта естественная. На что ж это похоже? Понимаете ли, когда последняя у нас Нобелевская премия была? Десяток лет тому назад. А американцы, европейцы каждый год их получают.

М. Н.: У нас Жоресу Алферову, по-моему, последнему вручали.

В. С.: Ну вот, у нас что-то не жалуют, есть еще двое, но они уехали и не возвращаются.

М. Н.: Они в Англии работают.

В. С.: Да, в Англии

М. Н.: Они молодые совсем. Гейм и Новоселов.

В. С.: Правильно, Новоселов.

М. Н.: А второй Гейм.

В. С.: Да. Ну как теперь исправишь? Не так-то просто, а она нужна...

М. Н.: Василий Васильевич, вот такой разрыв и дисбаланс между нужными в советском хозяйстве естественниками и гуманитариями...

В. С.: А гуманитарии были партийцы. Ведь что такое гуманитарии в советские времена? Вот все мы? Мы-то еще могли и от Асмуса питаться. Немного, но эти старые кадры еще оставались, как бы их ни тюкали иногда. Понимаете ли, брали и сажали, но у них можно было поучиться. А у этого поколения, скажем условно, — Митина, Юдина, Константинова, Федосеева — учиться-то нечего было, их учить нужно было.

М. Н.: Значит, желание создать советскую гуманитарную науку было обреченной изначально идеей, с вашей точки зрения? На базе нового человека, новых людей, новых профессоров? Это обреченная идея была? И нужно было сохранять преемственность все-таки с дореволюционной гуманитарной наукой?

В. С.: Она была, конечно, политизирована, идеологизирована, ждаль проку от нее нельзя. И тут я вам скажу: это вот такие, как история партии долго была, потом ее сменили научным коммунизмом, та же политология, философия.

Сказать все-таки так же о филологах трудно. Почему? Да потому что среди филологов... Конечно, специалист по Маяковскому, я не знаю, что он собой представлял, Дувакин ваш, это все-таки не тот уровень, хотя Маяковский, конечно, фигура. Но оставались в ИФЛИ еще хорошие старые филологи. А как сейчас, я просто не знаю, но с филологией труднее. Сейчас есть академик Казанский, оказывается, он внук другого академика Казанского, он вот там, где надо, знает, как вот в классике, латынь, греческий. Впрочем, у нас сейчас буквально через месяц защищает диссертацию такой парень — Зеленский. Сейчас, после перестройки произошел сдвиг в качественную сторону в гуманитарной и даже философской, особенно философской науке, связанной с классикой и прочее. В логике, конечно, очень большой сдвиг. К сожалению, не так уж много у нас логиков. А какая-нибудь... надумывают даже, скажем, вот кафедра социальной философии. И вдруг еще факультет мировой политики, есть такой? Мне говорили, что есть.

М. Н.: Да, да.

В. С.: Факультет мировой политики — зачем?

М. Н.: Это бизнес, наверное, Василий Васильевич.

В. С.: Какой же это бизнес!

М. Н.: Образовательный.

В. С.: Ну да, это бизнес для тех, кто там получает.

М. Н.: Естественно.

В. С.: Так он и был, этот бизнес был и советский. Для чего они в академики шли — звания, ладно, там деньги, там премии. До сих пор не пойму: за трехтомник по истории философии дали Сталинскую премию, а потом сняли с третьего тома по письму Белецкого с глупым обоснованием, что тут не так изображен Гегель и прочее. Что там не так — они изобразили его так, как у Маркса-Энгельса-Ленина, а их нет без Гегеля, все они гегельянцы, по существу. Вот всякие бывают волны, да.